

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1979

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985

М. С. Мейер

АЯНЫ И ИХ МЕСТО В ОСМАНСКОЙ ИСТОРИИ

Вопрос об изменениях в структуре и составе господствующего класса Османской империи в XVII—XVIII вв. привлекает ныне пристальное внимание не только туркологов, но и специалистов по истории народов Арабского Востока, Балкан и Закавказья. Интерес исследователей вполне понятен: получение новых материалов о процессах социально-классовой трансформации в империи позволяет лучше понять эволюцию докапиталистических обществ на территории Юго-Восточной Европы и Передней Азии, правильнее оценить их состояние в период перехода от средневековья к новому времени.

В социально-политической жизни османского государства XVII—XVIII вв. историки прежде всего отмечают возникновение могущественных феодальных династий в различных провинциях. Это явление было тесно связано с формированием новой группы внутри правящего класса, состоявшей из наиболее влиятельных и богатых представителей местного мусульманского населения. В официальных документах того времени они обозначаются общим термином «аяны» («нотабли», «патриции» — в трактовке современных турецких и западных специалистов)¹. Их роль в османской истории весьма сложна и до конца еще не выяснена. Поэтому в данной работе речь пойдет лишь о тех моментах происхождения и деятельности аянских династий, которые непосредственно связаны с более общими вопросами социально-экономической и политической жизни Османской империи на рубеже нового времени.

Исследования последних лет убедительно показали, что важнейшей предпосылкой к складыванию аянства как отдельной социальной общности стал кризис военно-феодальной структуры османского государства, явственно обозначившийся со второй половины XVI в. Наиболее важными проявлениями этого процесса можно считать разложение военно-ленной (тимарной) системы землевладения, ослабление власти центрального правительства, усиление сепаратизма и внутренних неурядиц в про-

винциях. Такие явления нередко принимались за свидетельства кризиса самих феодальных порядков. Однако эти негативные моменты скрывали оформление общественно-политического режима, соответствующего более зрелым феодальным отношениям². Его характерной чертой являлось возрастание роли уклада, связанного с крупной частной собственностью на землю. Соответственно в сфере экономических отношений ускорились темпы превращения условных пожалований в безусловные, лишения крестьян их владельческих прав на землю, вытеснения военных ленников (сипахи) другими феодалами, более заинтересованными в хозяйственной эксплуатации своих владений. В политической жизни ясно обозначалось усиление центробежных тенденций, менявших соотношение сил между центром и периферией в пользу последней. Существенные сдвиги произошли и в социальной структуре общества. С ними связана и перегруппировка внутри господствующего класса, вытекавшая из усиления роли материального богатства и групповых связей. Результатом этого процесса было возвышение аянов.

Складывание интересующей нас социальной общности началось, видимо, во второй половине XVI в.³ Оно шло путем выделения из общей массы провинциальных феодалов, местного духовенства и зажиточных горожан их наиболее богатых и влиятельных представителей. Эти местные нотабли (аян-и вилайет) располагали землей и прочей недвижимостью, выступая как собственники или в качестве распорядителей вакфного имущества. Они активно участвовали в купле-продаже земельных участков (чифтликеров), а свои денежные средства чаще всего вкладывали в торгово-ростовщические операции. Первоначально роль аянов в общественно-политической жизни была ограничена, да и размеры их состояний не столь велики.

На протяжении XVII в. нотабли добились значительного усиления своих позиций. Воспользовавшись разложением тимарной системы и финансовыми трудностями, они сумели сосредоточить в своих руках наиболее прибыльные откупа и обширные земельные владения. Под их контролем оказалась и значительная часть городской недвижимости — жилые и хозяйственные постройки, сады, виноградники, общественные сооружения. Хотелось бы подчеркнуть, что аяны весьма сильно различались по своим возможностям: даже самый видный житель уездного городка не мог равняться с нотаблями крупных провинциальных центров. Тем не менее их объединяло то, что по своему отношению к средствам производства и распределения общественного продукта, равно как и по социальному происхождению и положению в обществе, они резко отличались от прежде господствовавшей в Османской империи военно-бюрократической знати⁴.

Политическому возвышению богатых землевладельцев, уле-

мов, крупных торговых и цеховых старшин помогло само государство. Основной заботой султанского правительства, особенно в период правления великих везиров из рода Кёпрюлю, было обуздание сепаратизма провинциальных пашей. В противовес им Порта стала выдвигать «ехл-и шер» — «людей шариата», прежде всего судей-кадиев. Последние же в поисках союзников обратились к наиболее влиятельным лицам местных мусульманских общин.

Во многих судебных округах (каза, кадилык) стали создаваться диваны (советы) во главе с кадиями и с участием аянов для обсуждения важнейших вопросов финансово-административного управления данного города и окрестных деревень. Судя по сохранившимся реестрам шариатских судов (кадийским сиджиллам), принимаемые на этих собраниях решения касались не только порядка сбора налогов, установления твердых цен на основные товары рыночной торговли, рекрутирования солдат для военных экспедиций, но и смещения одних и назначения других чиновников. С течением времени, как считает Х. Иналджик, советы аянов фактически заменили губернаторские диваны⁵. Во второй половине XVII в. правительство, видимо, узаконило сложившуюся практику консультаций. Во всяком случае, многочисленные ферманы тех лет обязывали местных нотаблей участвовать в решении важнейших вопросов хозяйственного и административного характера⁶.

Особо благоприятные условия для роста могущества аянов и окончательного оформления в особую социальную категорию сложились в XVIII в. Важное значение для усиления их позиций имела реформа откупной системы. Длительная и крайне неудачная для турок война с государствами Священной лиги (1684—1699) сопровождалась упадком хозяйственной жизни и обострением внутривосточной ситуации во многих районах Османской империи. Стремясь найти выход из экономических и политических затруднений, султанское правительство в январе 1695 г. решило заменить краткосрочные откупа (ильтизамы) пожизненными (маликяне). В отличие от прежних откупщиков владельцы маликяне были в большей степени освобождены от контроля со стороны властей, что открывало широкие возможности для усиления эксплуатации податного населения, особенно крестьян⁷. Пожизненные откупа представляли собой не только источник богатой наживы, но и важное средство укрепления общественного положения мультазимов.

Первоначально принятая для ряда восточных районов (Диярбакыр, Халеб, Дамаск, Мардин, Адана, Малатья, Токат, Айн-теп) система маликяне быстро распространилась по всей империи, причем в качестве объектов откупов выступали не только отдельные деревни, но и целые административные области — санджаки⁸. В начале XVIII в. дефтердар (казначей) Эльхадж

Мехмед-эфенди, отражая недовольство прежних откупщиков, так описывал последствия реформы 1695 г.: «Затем все вокруг было заражено этим [видом откупов] и все было обращено в маликяне, а некоторые лица, имевшие деньги, стали брать маликяне на все, что только можно, и начали распоряжаться откупам, как своим имуществом, и перепродавать их другим. Поскольку бывшие мукатаа, которые раньше ежегодно продавались с аукциона, попали в руки 5—10 богатеев, то положение людей, живших откупами, стало плохим, а владельцы маликяне продавали их с процентами другим лицам и мукатаа переходили из рук в руки. Те, кто получил их за значительный процент, старались извлечь выгоду для себя, усиливая гнет бедной реайи. Когда же [райяты] жаловались на гнет и притеснения, им отвечали: „Это маликяне, им пользуются как хотят“»⁹. Эльхадж Мехмед-эфенди убедил великого везира Дамад Али-пашу отменить маликяне в 1715 г., но через несколько лет, очевидно вскоре после назначения на пост великого везира Дамад Ибрагим-паши Невшехирли, система пожизненных откупов была восстановлена¹⁰. Как отмечает турецкий историк Ю. Озкая, изучавший возникновение аянских династий в Анатолии, уже в начале XVIII в. городские нотабли составляли основную массу владельцев маликяне. Именно это обстоятельство способствовало появлению крупнейших феодальных династий Чапаноглу (иначе — Чапароглу), Караосманоглу, Козаноглу, а также многих менее известных аянских родов в различных провинциальных центрах¹¹.

С помощью маликяне местные нотабли сумели значительно расширить свои земельные владения и упрочить собственные претензии на них. Так, известный румелийский аян Али-паша Янинский, бывший в начале XIX в., вероятно, крупнейшим землевладельцем на Балканах, располагал примерно 1000 чифтликеров. Годовой доход его семьи от сельского хозяйства и торгово-ростовщических операций достигал, по сообщениям европейцев, 18 млн. фр. (или 20 млн. курушей)¹². Не менее восторженно отзывался французский консул в Измире Ш. Пейсонель о саруханском аяне Хаджи Мустафе Караосманоглу. Хотя он не сообщал точных размеров его денежных доходов или земельных угодий, но неоднократно подчеркивал, что «старый ага», «вероятно, самый богатый человек в Оттоманской империи»¹³. Маликяне стали основой могущества арабских нотаблей в Сирии, Палестине и Египте. Наиболее влиятельный из них — Дагер (Захир ал-Умар, ум. в 1775 г.) из семейства Зайданидов всю свою жизнь оставался просто откупщиком — мультатимом, хотя был фактическим правителем в эялете Сидон¹⁴.

В XVIII в. существенно расширились и масштабы проникновения аянов на высшие посты провинциального административ-

ного управления. В Османской империи, как и в других средневековых восточных деспотиях, богатство само по себе еще не гарантировало его обладателям высокое положение в обществе. Подобный статус обеспечивался прежде всего причастностью к системе публичной власти. Правда, в XVII—XVIII вв. роль этого фактора социальной стратификации несколько уменьшилась по сравнению с «классическим» периодом османской истории¹⁵, но все же он сохранил свое первостепенное значение. Представляется, что отличительной чертой аянов как представителей нового слоя, складывавшегося в рамках господствующего класса, было сочетание богатства (прежде всего земельных владений) с обширными публично-правовыми возможностями и местными связями.

Привлечение городских нотаблей к деятельности кадийских судов можно рассматривать как первый шаг на пути их приобщения к системе государственной власти. Следующим явилось назначение аянов на различные административные посты. Чаще всего это были должности, непосредственно связанные с контролем хозяйственной и общественной жизни городов и окрестных деревень — мухассылов, мютеселлимов, воевод, а также субаши, мухтасибов¹⁶ и др.

Сама практика выделения заместителей бейлербеев и санджакбеев, отвечавших прежде всего за сбор налогов с местного населения, сложилась еще в XV—XVI вв., когда провинциальные пашы часто отвлекались от своих обязанностей по управлению вверенных им территорий в связи с военными экспедициями или выполнением различных султанских поручений. Роль мухассылов, мютеселлимов и воевод существенно возросла в XVII в., когда Порты, в целях ограничения независимости губернаторов эялетов и санджаков, стала отбирать у них земельные владения, предоставляя взамен право сбора определенных налогов¹⁷. Одновременно она начала сокращать срок пребывания пашей на их должностях. В XVII в. он составлял в среднем два года, в XVIII в. — не более года¹⁸. В подобных условиях правители провинций теряли интерес к выполнению своих функций и стремились переложить на своих помощников решение всех вопросов управления. Фактически последние обладали на местах большим влиянием, чем их патроны.

Важным новшеством XVIII в. следует считать изменение социальной среды, из которой выдвигались кандидаты на подобные должности. Прежде хозяйственно-административные функции выполняли лица из свиты пашей, но затем Порты санкционировала привлечение к этой службе представителей местной элиты¹⁹. В отличие от часто сменявшихся бейлербеев и санджакбеев чиновники из числа аянов могли удерживаться на своих постах в течение довольно длительного времени, чему

в немалой степени содействовало и то обстоятельство, что в их руках находились ильтизамы и маликяне, доходы от которых позволяли покупать поддержку сановников Порты.

Частые и довольно успешные попытки представителей отдельных феодальных семейств превратить занимаемые ими должности в наследственные можно рассматривать как свидетельство упрочения позиций аянов в системе публичной власти. Упомянувшийся уже Хаджи Мустафа-ага Караосманоглу удерживал пост мютеселлима Сарухана более 10 лет (1743—1754). Через два года после смещения и казни Хаджи Мустафы Порты была вынуждена утвердить в этом звании его сына — Атаулла-агу. Еще четыре года спустя (в 1761 г.) он был также смещен за плохое управление и произвол. Однако в 1769 г. другой сын «старого аги» стал воеводой Акхисара, затем воеводой Измира, а в 1773 г. он взял на откуп все доходы санджака Сарухан, которым в это время управлял в качестве мютеселлима третий сын Хаджи Мустафы — Мехмед-ага. К концу XVIII в. власть Караосманоглу распространилась далеко за пределы Сарухана. Различные члены семьи исполняли обязанности мютеселлима Айдына, воевод Тургутлу, Менемена, Бергамы, Измира, Испарты²⁰.

С историей возвышения династии Караосманоглу в основных чертах схожи и судьбы многих других аянских династий в Османской империи²¹. Отметим лишь, что далеко не всегда объектом политических амбиций местной знати являлись должности мютеселлимов и воевод. Некоторые ее представители вели борьбу за пост мутасаррыфа (Бушаты в Северной Албании)²², другие добивались чина кадия или наиба (члены семьи Гаффарзаде в Конье)²³, третьи — звания главы (башбуга) дербенджи (Али-паша из Янины)²⁴. Во всех подобных случаях важны не конкретные объекты притязаний, но общая цель аянов — добиться должности, обеспечивающей причастность к системе государственного управления и придающей их деятельности законный характер. Реализация этих замыслов была связана с немалыми трудностями: приходилось преодолевать сопротивление не только центральной власти, опасавшейся усиления сепаратизма, но и других представителей местной знати. Судя по данным кадийских сиджиллов, ожесточенные распри между членами аянских родов Калайджиоглу, Зеннеджизаде и Эмир-агазаде происходили в Кайсери. Спор за верховенство в Анкаре вели семьи Мюдеррисзаде, Наккашзаде и Муслупашазаде. В Конье выходцы из рода Гаффарзаде соперничали с аянами из семьи Мюхюрдарзаде²⁵. По-видимому, аналогичной была ситуация и в большинстве других провинций²⁶. В борьбе за власть и источники доходов использовались все средства — взятки, интриги, петиции-доносы в Стамбул, покровительство видного сановника, сговоры и временные коалиции

одних нотаблей против других, но наиболее веским аргументом оставалась сила оружия.

Отряды солдат, сохранившихся за счет местной знати, появились на рубеже XVII—XVIII вв. Их возникновение непосредственно связано с провалом попыток центрального правительства пресечь сепаратизм провинциальных наместников и подавить растущую волну социального протеста низов, принявшего форму разбойничества. По принципам организации частные войска были идентичны войскам провинциальных пашей (так называемые «капы халкы») и, вероятно, рассматривались Портой как необходимый противовес последним. Новые формирования сыграли заметную роль в русско-турецкой войне 1769—1774 гг., что заставило правительство отказаться от попыток как-то ограничить деятельность местной знати. Изучая материалы турецких архивов, японский историк Ю. Нагата установил, что в течение 1771—1774 гг. примерно 300 нотаблей Румелии и Анатолии должны были послать на Дунайский фронт около 90 тыс. солдат²⁷. Иными словами, каждый аян был в состоянии поставить в армию в среднем по 300 человек²⁸. Эти подсчеты позволяют получить некоторое представление о военной силе крупных провинциальных феодалов.

Несомненно, что в мирное время численность вооруженных отрядов аянов была много меньше, чем во время войны. Следует учитывать также высокие расходы на их содержание. По данным Ю. Нагата, годовое жалованье солдата в период войны 1769—1774 гг. составляло 64 куруша. Следовательно, на отряд в 300 человек феодал должен был расходовать в год до 20 тыс. курушей. Для сравнения отметим, что состояние «типичного» анатолийского аяна Кёр Исмаил-оглу Хюсейна, умершего в 1808 г., было оценено в 56 177 курушей, а после уплаты долгов покойника его наследникам осталось всего 20 527 курушей²⁹. Можно предположить, что крупные феодалы располагали вооруженной свитой в несколько десятков человек, но в нужную минуту могли выставить и более крупные силы, ибо не стеснялись вступать в сговор с предводителями местных разбойников, против которых их обязывали бороться султанские указы. Благодаря подобным контактам и широкому привлечению деклассированных элементов в свое окружение городские нотабли были в состоянии контролировать положение в своих округах и одновременно обеспечивали себе достаточную поддержку в случае конфликта с государством или соперничающей феодальной кликой.

Благоприятная для аянов ситуация, сложившаяся в XVIII в., и их собственные большие возможности способствовали быстрому превращению османских провинциальных «патрициев» в чрезвычайно влиятельную группу господствующего класса, которая успешно противостояла столичной элите в борьбе за

перераспределение феодальной ренты. По мере приобщения местных нотаблей к власти соперничество в их рядах обострялось. Неизбежным результатом этой борьбы было выделение («избрание») из среды аянов одного наиболее влиятельного лица, чье ведущее положение подтверждалось особым документом — «аянлык буйрулдусу»³⁰. Именно этот феодал чаще всего назначался на пост мютеселлима или воеводы. Впрочем, нередко отмечалась и обратная ситуация: лицо, выполнявшее определенные административные функции, успешнее других претендовало на получение указанного диплома³¹.

Сама процедура «избрания» первого, или главного, аяна («баш аян», «реис-и аян», «айн-уль аян» — так его именовали в официальных документах) свидетельствовала о признании государством традиции участия нотаблей в управлении и ее институциональном оформлении. Вместе с тем следует отметить, что центральное правительство отнюдь не считало подобную практику постоянной. Чтобы использовать аянов как противовес самовластным наместникам, Порты должна была признать за местной знатью право принятия мер по обеспечению безопасности и внутреннего порядка как в городе, так и во всей округе, а равно и противодействия тирании и вымогательству пашей. Правители Стамбула, видимо, не осознавали необратимого характера перемен и потому рассматривали упадок авторитета центральной власти и произвол бейлербеев и санджакбеев как случайное, преходящее явление, соответственно и обращение за помощью к местной знати было для них действием вынужденным и нерегулярным. Впрочем, и должности, на которые чаще всего назначались аяны (мухассылов, мютеселлимов, воевод), также формально носили временный характер. Нежелание Порты допустить даже самых видных нотаблей в ряды правящей верхушки определялось тем, что для султанского двора аяны оставались выразителями местных, а не общегосударственных интересов, представляли центробежные, а не центростремительные силы.

Показательно понимание правителями империи тех обязанностей, которые должны были выполнять нотабли, получившие «аянлык буйрулдусу». Во второй половине XVIII в. некоторые османские государственные деятели с беспокойством отмечали рост могущества аянских семей и пытались осуществить ряд мероприятий, направленных на обуздание местной знати. Одна из таких реформ, проведенная в 1786 г. при великом везире Коджа Юсуф-паше, предполагала отмену «аянлыка» и введение вместо него поста «городского интенданта» (шехир кетхудасы). Подобный институт под разными названиями (даруга, раис, шейх-уль-балад) широко известен на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья³². Традиционно главными обязанностями этого лица являлись забота об интересах городского

населения и решение спорных вопросов между различными группами горожан. На должность городского райса назначались обычно местные нотабли. В Османской империи городской кетхуда, по мнению Х. Иналджика, появился во второй половине XVI в. как одна из разновидностей фигуры кетхуды (заместителя, управляющего), «выбранного или назначенного представителя общины, группы, отдельной личности»³³. О функциях кетхуды³⁴ в османском городе известно, что он отвечал за определение и соблюдение рыночных цен, присутствовал при разборе судебных тяжб и выступал свидетелем в вопросах налогообложения и откупов, выполнял решение суда о конфискации имущества и т. д.³⁵ Именно эту фигуру имели в виду и инициаторы реформы 1786 г., предполагавшие, что аяны должны вернуться к роли посредника между местным населением и государственной властью, которую традиционно играли городские нотабли на Ближнем и Среднем Востоке³⁶.

Собственные же устремления османских аянов явно не совпадали с замыслами Порты. Они рвались к власти, и их притязания выглядели в конце XVIII в. достаточно вескими: большая часть провинций Османской империи находилась в то время под контролем таких могущественных феодалов, как Али-паша Янинский, Осман-ага Пасваноглу, Мустафа-паша Байрактар, Али-паша Джаникли, Сулейман-бей Чапаноглу, шейх Дагер.

В 1808 г. султанское правительство вынуждено было признать свое бессилие, подписав совместное с представителями ведущих аянских родов особый договор. Он был составлен по инициативе рушукского аяна, ставшего великим везиром Мустафы Байрактара, и назван «сенед-и иттифак» («союзный пакт»). В нем аяны обещали поддержку центральному правительству в борьбе за утверждение внутреннего порядка и мира в провинциях, получив в обмен гарантии неприкосновенности своих интересов и владельческих прав на землю³⁷. Американский историк Н. Ицкович рассматривает «сенед» как «политический документ, составленный с целью вырвать у султана признание нового статуса и прав аянов»³⁸.

«Союзный пакт» 1808 г. можно считать апогеем могущества местных нотаблей, но он же обозначил момент, с которого начался быстрый закат их славы. Ставшая реальностью феодальная анархия в не меньшей степени, чем внешние военные угрозы, вынудила столичную правящую элиту предпринять самые энергичные меры по восстановлению сильной государственной власти и упрочению влияния центра на периферии. Султан Махмуд II довольно быстро сокрушил господство наиболее видных феодальных династий. Этот неожиданный результат чаще всего объясняют враждой между аянскими родами, забывая о внутренней трансформации самой группы аянов.

В начальный период этой социальной категории была присуща недифференцированность функциональных ролей, ее представители сочетали в себе черты городского патрициата и землевладельческой знати. С этим обстоятельством связано их довольно неопределенное, но устойчивое «срединное» положение между правящей верхушкой и народными массами. Усиление могущества крупных провинциальных аянов позволило им претендовать на более высокие социально-политические позиции, но одновременно привело к потере их посреднической роли, а вместе с нею поддержки населения. Следует также отметить, что мероприятия Махмуда II были направлены против наиболее влиятельных феодальных династий, но не затронули низшего, более массового слоя местной знати. Правительство не посягнуло на земельные владения аянов, определявшие их влияние и статус в обществе. Поэтому аяны как социальная категория не переставали существовать. Они стали ядром сложившегося в Османской империи на протяжении XIX — начала XX в. класса крупных землевладельцев.

* * *

Рассматривая историю аянства, нетрудно заметить, что процесс формирования и утверждения этой группы господствующего класса определялся общими закономерностями развития османского общества на стадии перехода к развитым феодальным отношениям. Однако, возникнув как результат социально-политической трансформации, аяны и сами весьма активно способствовали дальнейшим переменам. Прежде всего можно указать на их роль в развитии системы политической власти. Поддерживая провинциальных нотаблей против самовластных пашей, правители Османской империи рассчитывали на восстановление столь необходимой для всякой восточной деспотии системы баланса сил, которая оказалась нарушенной из-за разложения сипахийства. В конечном счете эта политика привела к совершенно иным результатам: прежняя структура провинциального управления оказалась полностью разрушенной, а центральное правительство столкнулось с гораздо более опасным противником, чем строптивые наместники. Для победы над ним потребовалась коренная перестройка всего государственного механизма. В этом смысле можно говорить, что деятельность аянов ускорила разработку и реализацию планов преобразования Османской империи в абсолютистскую монархию.

Не менее заметен след местных нотаблей в социальной истории. Их активность способствовала уходу с политической арены представителей старой военно-служилой знати. Через такой канал, как аянство, в правящую верхушку империи проникли новые элементы из различных слоев мусульманского общества.

Об этом свидетельствует значительное увеличение должностных лиц с титулами «челеби», «ходжа», «ага»³⁹. По поводу последнего французский военный и политический деятель барон де Тотт, проводивший в XVIII в. один из первых опытов с введением европейского образования в Османской империи, писал: «Этот титул дается всем богатым людям, не имеющим должности, а особенно богатым землевладельцам»⁴⁰. С переменами в составе правящего слоя связано и распространение новой системы ценностей, отмеченной возросшим значением богатства и собственнических прав на землю, а также групповых связей. В складывавшейся новой иерархии власти ведущее место занял «выскачка, жадный до денег».

Более противоречивым было влияние аянов на экономическую жизнь. Исследователи отмечают связь между развитием аянства и распространением системы «чифтлик» — наследственных феодальных владений, создаваемых в результате захвата крестьянских и присвоения государственных земель и обрабатываемых с помощью поденщиков и издольщиков⁴¹. Принадлежавшие аянам поместья зачастую были центрами разведения технических культур — хлопка, табака, а также производства шерсти и пшеницы для экспортной торговли. Не случайно и то, что наиболее широко владения местных нотаблей распространились вдоль приморских долин и внутренних речных и караванных путей, т. е. в районах, наиболее тесно связанных с внешней торговлей, вывозом сельскохозяйственного сырья в страны Европы⁴².

Вместе с тем нельзя не видеть, что чифтликская система не получила достаточного развития даже в наиболее развитых районах империи, ибо аяны предпочитали эксплуатировать крестьян за счет увеличения размеров уже существовавших сборов и введения новых налогов и повинностей, взимания рыночных и таможенных пошлин⁴³. Основная часть полученных доходов использовалась ими непроизводительно — на подкуп властей, борьбу с соперниками, покупку предметов роскоши.

Еще одно обстоятельство должно быть отмечено при оценке аянства. Османское общество отличалось гетерогенностью своего состава. Под властью султанов оказалось объединено около 60 крупных этнических групп, представителей трех мировых религий, народности и племенные союзы, находившиеся на разных стадиях социально-экономического и политического прогресса. Было бы ошибочным не видеть значительной вариантности развития в соответствии с конкретными условиями отдельных районов. Вместе с тем исследования последних лет показывают, что возникновение аянов как социальной категории в рамках господствующего класса было общим моментом развития османского общества в XVII—XVIII вв. В каждом районе аяны имели свои специфические черты, по-разному склады-

вались их взаимоотношения с центральной властью, неодинаковы были и результаты деятельности этих нотаблей. Однако тенденция к укреплению позиций и влияния местных лидеров, выражавших интересы, весьма отличные от интересов представителей правящей верхушки в Стамбуле, прослеживалась на Балканах, в Малой Азии, в Магрибе и Машрике. В исторической перспективе эта тенденция, видимо, связана с развитием местной культуры и зарождением национального самосознания.

¹ Историографию вопроса об аянах см.: Uzunçarsılı İ. H. Ayan.—İslâm Ansiklopedisi. Cilt 2. İstanbul, 1942, с. 41—42; Bowen H. A'ayn.—The Encyclopaedia of Islam, 2 ed. (далее—EI₂). Т. 1. Leiden, 1958, с. 778; Sućeska A. Ajani. Sarajevo, 1964; Hourani A. Ottoman Reform and the Politics of Notables.—Beginnings of Modernization in the Middle East. The Nineteenth Century. Chicago, 1968, с. 41—64.

² Подробнее об этом см.: Орешкова С. Ф. Некоторые проблемы эволюции феодального землевладения в Османской империи (вторая половина XVII—начало XVIII вв.)—Проблемы новой и новейшей истории стран Запада и Востока. Сборник трудов МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1975, с. 116—144; Мейер М. С. К периодизации истории Турции эпохи феодализма.—Тюркологический сборник 1976. М., 1978, с. 75—87.

³ Турецкий историк Х. Иналджик отмечает, что самая ранняя петиция, направленная аянами султану и сохранившаяся в столичных архивах, датируется 1587 г. (996 г.х.).—Inalcik H. Centralization and Decentralization in Ottoman Administration.—Studies in Eighteenth Century Islamic History. L., 1977, с. 44.

⁴ Мейер М. С. К вопросу об изменениях в структуре и составе правящего класса Османской империи в XVIII в.—Проблемы истории Турции. М., 1978, с. 55—59.

⁵ Inalcik H. Centralization and Decentralization..., с. 43.

⁶ См., в частности, кадийские реестры Битола (Монастыра), частично опубликованные А. Матковским: Турски извори за ајдутството и арамитството во Македонија. Т. 1—5. Скопје, 1963—1980.

⁷ Владельцы маликяне были связаны лишь одним условием — выплатой определенного задатка (муаджеле) в размере двух-восьмигодовой цены откупа и ежегодных взносов, равнявшихся части или всей стоимости годового дохода с данного имущества. Взамен они получали правовой и налоговый иммунитет, могли уступить маликяне третьим лицам как в форме субаренды, так и в форме полного отчуждения. Государство могло передавать этот объект (мукатаа) другому лицу после смерти владельца маликяне или в случае невыполнения им своих обязательств.

Подробнее см.: Genç M. A Comparative Study of the Life-term Tax Farming Data and Volume of Commercial and Industrial Activities in the Ottoman Empire During the Second Half of the 18-th Century.—La Revolution industrielle sur le Sud-Est europeen—XIX s. Sofia, [1976], с. 245—247.

⁸ Так, аяны из семьи Караосманоглу получили в качестве маликяне доходы со всего санджака Сарухан (Ulucay Ç. 18 ve 19 yüzyıllarda Saruhan'da eşkiyalık ve halk hareketleri. İstanbul, 1955, с. 10—11).

⁹ Цит. по: Belin F. A. Essais sur l'histoire économique de la Turquie. P., 1865, с. 201. Эльхадж Мехмед-эфенди, иначе Баккалзаде Сары Мехмед-паша (1654—1720), на протяжении 1702—1717 гг. неоднократно занимал пост главного дефтердара империи. Он известен и как автор трактата «Советы везирам и правителям», опубликованного У. Райтом: Ottoman Statecraft. The Book of Council for Vezirs and Governors by Sari Mehmed Pasa, Defterdar. Princeton, 1935.

¹⁰ Актепе М. Patrona isyanı (1730). İstanbul, 1958, с. 4—5. В 1730 г.

султан Махмуд I (1730—1754), возведенный на престол в результате восстания стамбульских низов под руководством Патрона Халила, по требованию последнего упразднил систему маликяне, но спустя некоторое время она была вновь восстановлена.

¹¹ Özkaya Y. XVIII yüzyılın ilk yarısında yerli ailelerin ayanlıkları ele geçişleri ve büyük hanedanlıkların kuruluşu.—«Belleten». Ankara, 1978, cilt 42, № 168, с. 668.

¹² Skiotis D. From Bandit to Pasha: First Steps in the Rise to Power of Ali of Tepelen, 1750—1784.—«International Journal of Middle East Studies». L., 1971, vol. 2, № 3, с. 220—221.

¹³ Цит. по: Veinstein G. «Ayan» de la région d'Izmir et commerce du Levant (deuxième moitié du XVIII siècle).—«Etudes balkaniques». Sofia, 1976, № 3, с. 74—75.

¹⁴ О нем подробнее см.: Cohen A. Palestine in the 18-th Century. Patterns of Government and Administration. Jerusalem, 1973.

¹⁵ Дефеодализация нижних категорий силахи в XVII—XVIII вв. может рассматриваться как свидетельство подобного процесса. Об этом см.: Орешкова С. Ф. Некоторые проблемы..., с. 139—140; Смилянская И. М. Структура и эволюция господствующего класса Ближнего Востока на рубеже нового времени.—«Народы Азии и Африки». М., 1978, № 3, с. 54—66.

¹⁶ Мухассыл — чиновник, отвечающий за сбор государственных налогов в провинции и выполнявший обязанности дефтердара, а в отдельных случаях и функции губернаторов; мутеселлим — чиновник, замещавший правителя области (санджак), в его функции входил сбор налогов и решение других административных вопросов; воевода — управляющий различными видами служебных пожалований (хассов, зеаметов, тимаров, арпалыков и т. п.) от имени их владельцев, помощник санджакбея, ведавший вопросами управления на территории отдельных кадилыков; субаши — здесь глава городской полиции; мухтасиб — чиновник, осуществлявший контроль и надзор за городскими рынками и базарами.

¹⁷ Об этом см.: Sućeska A. Promenu u sistemu izvanrednog oporeživanja u Turskoj u XVII vijeku i pojava nameta tekâlif-i şakka.—«Prilozi za orijentalnu filologiju». Sarajevo, 1961, vol. 10—11, с. 76—113.

¹⁸ Inalcik H. Centralization and Decentralization..., с. 30. О процедуре назначения и смещения губернаторов в XVIII в. см.: Barbir K. Ottoman Rule in Damascus 1708—1758. Princeton, 1980, с. 22—23.

¹⁹ Опираясь на сообщение турецкого хрониста Кючюк Челебизаде Асыма, Ю. Озкая датирует это событие 1726 г. и отмечает указанную дату как своеобразный рубеж, за которым начинается резкое усиление «власти местной знати над народом» (Y. Özkaya. XVIII yüzyılın ilk yarısında..., с. 674).

²⁰ Uluçay Ç. 18-ve 19 yüzyıllarında Saruhan'da..., с. 17—19; Orhonlu S. Karaosmanoğlu.—EI₂, vol. 4, с. 592—594.

²¹ О возникновении аянских династий в Анатолии см.: Özkaya Y. XVII yüzyılın ilk yarısında..., с. 667—712; о том же процессе на Балканах: Sadat D. Ayan ve ağa: the Transformation of the Bektashi Corps in the Eighteenth Century.—«The Muslim World». L., vol. 63, № 3, 1973, с. 206—219; относительно аянов Дамаска: Barbir K. The Ottoman Rule..., с. 86—88.

²² Heywood C. J. Kara Mahmoud pasha Ishkodrali, Bushatli.—EI₂, vol. 4, с. 584—585. Мутасаррыф — управляющий санджаком.

²³ Özkaya Y. XVIII yüzyılın ilk yarısında..., с. 697—699. Наиб — заместитель кадия, его представитель в данном городке или уезде.

²⁴ Skiotis D. From Bandit to Pasha..., с. 240—244. Башбуг дербенджи — глава вспомогательных частей, охранявших дороги и горные переходы в Румелии, которые набирались из местного греческого и албанского населения.

²⁵ Özkaya Y. XVIII yüzyılın ilk yarısında..., с. 675—701.

²⁶ О ситуации в арабских провинциях Османской империи см.: Owen R. The Middle East in the World Economy 1800—1914 (Introduction: The Middle East Economy in the Period of the So-called Decline 1500—1800). L.-N. Y.,

1981, с. 10—23; Rafeq A.-K. Economic Relations between Damascus and the Dependent Countryside 1743—71.—The Islamic Middle East 700—1900. Studies in Economic and Social History. Princeton, 1981, с. 653—686.

²⁷ Nagata Y. Muhsin-zade Mehmed paşa ve âyanlık müessesesi. Tokyo, 1976, с. 104—114.

²⁸ На деле каждый аян должен был поставить в зависимости от своих возможностей от 100 до 1000 воинов.

²⁹ Sezai Y. Bir âyanın muhalefati.—«Belleten». Ankara, 1977, cilt 41, № 161, с. 57.

³⁰ Inalcik H. Centralization and Decentralization..., с. 46—47.

³¹ Там же.

³² Lambton A. K. S. Theory and Practice in Medieval Persian Government. L., 1980. Интересные сведения об этом институте были приведены на «Бартольдских чтениях» 1976 г. Они опубликованы в книге «Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья». М., 1979 (см., в частности, сообщения Г. М. Курпалидиса, К. К. Куция).

³³ Inalcik H. Centralization and Decentralization..., с. 46.

³⁴ В русских документах того времени он назывался «кегая», «кяхья».

³⁵ Sućeska A. Ajani, с. 93—94.

³⁶ Подробнее о роли нотаблей в ближневосточном обществе см.: Ноугани А. Ottoman Reform and the Politics..., с. 41—50.

³⁷ Inalcik H. Sened-i ittifak ve Gülhane Hatt-i Hümayunu.—«Belleten». Ankara, 1964, cilt 28, № 83, с. 603—690.

³⁸ Itskowitz N. Men and Ideas in the Eighteenth Century Ottoman Empire.—Studies in the eighteenth century Islamic history, с. 26.

³⁹ Inalcik H. Centralization and Decentralization..., с. 45—46.

⁴⁰ [Tottel]. Mémoires du baron de Tott. T. 2. Amsterdam, 1785, с. 144.

⁴¹ Stojanovich T. Land and Related Sectors of the Balkan Economy.—«Journal of Economic History». N. Y., 1953, vol. 13, № 4, с. 398—411; Соколовски М. Чифлигарството — втора етапа на османскиот феудален систем.—«Прилози». Скопје, 1977, т. 8, № 1, с. 69—88.

⁴² Sadat D. Rumeli âyanları: the Eighteenth Century.—«Journal of Modern History». Chicago, 1972, vol. 44, № 3, с. 346—363.

⁴³ Цветкова Б. Откупната система в Османската империя през XVI—XVIII вв. с оглед на българските земи.—«Известия на Институт за правни науки». София, ч. 11, кн. 2, 1960, с. 195—223; она же. Les institutions Ottomanes en Europe. Wiesbaden, 1978, с. 78—117; Özkaуа Y. XVIII-inci yüzyılda çıkarılan adâlet-namelere göre Türkiyenin iç durumu.—«Belleten». Ankara, 1974, cilt 38, № 151, с. 445—491.